

СЕВЕР

*Рассыпается долгая ночь.
Сонно ухают филины
В бесполезной надежде сдержат
отступление тьмы.
Самовластие снега. И насыть,
и лес обессилены
Затянувшимся бременем
лесоповальной зимы.*

*Но и здесь, в бесконечно растущих
еловых торосах,
Где не слышно десятками лет
человеческих слов,
Как ружейными выстрелами, от великих
морозов
Наполняется бор оглушительным
треском стволов....*

*Успокоилось эхо. Доносится глуше и глуше
Трепыхание птиц, притворившихся
битыми влет.
Снова выстрел... И снова седые еловые уши
Прижимаются к мертвой земле
придорожных высот.*

*Обрекая озера туманов, холодно-апрельских,
На короткое небытие, словно ржавая сталь,
Рассыпается ночь. И, звеня
в промороженных рельсах,
Догоняет вагоны, давно унесенные вдаль.*

*Снова радужно-чистое небо, как будто
весна в нем
Размела облака. И не знавшая грусти звезда
Загорелась неожиданно-негаданно
воспоминаньем*

*Обо всех проходивших под синим лучом
поездах.*

*Бабушка, мой милый ангел,
Мой хранитель на века.
Ты в каком небесном ранге
Так незримо далека?
В керамическом овале
Образ твой и чист, и свят.
Там, куда тебя позвали,
Адресов не говорят.
Где теперь тебя искать мне?
Здесь ли следующий дом?
Белый памятник из камня
Не сдает дома в наем.
Над могилкой месяц ранний —
Озаряет город Брест.
Вновь сочится старой раной
Нарукавный красный крест.
Под лихим огнем вставая,
Забывая боль и страх,
Воевала фронтовая
Медицинская сестра.
Выносила с поля боя:
«Братец, миленький, держись!»
Снились небо голубое
И бинты, длиною в жизнь
И в одну шестую суши.
Спит душа...
Проснись, страна!*

*Ангелы поют все глуше...
Все морозней тишина...*

Город Павлово. Овраг. Воронь. Роща.
Пристань. Ресторан. Ока. Понтон.
Легендарный Павел-Перевозчик.
Рядом – Ленин с бронзовым бантом.
Дальше церковь – поднята из пыли.
Пламенеет в небе пятерик.
Вещевого рынка изобилье
И в заплатах – павловский старик.
Он из-под бровей посмотрит строго,
А в глазах – реки и неба свод.
Поползла разбитая дорога
В гору, где автобусный завод.
Частный сектор в крашенных заборах.
По субботам – бань душистый дым.
Школа. Переулки. Светофоры.
И сады, сады, сады, сады, сады...

Счастливого пути, родной зеленый скорый!
Под выцветшим гербом идешь на перекрас.
Гудок, еще гудок. И ветры вторят хором:
Приятных перемен! Удачи! В добрый час!

Пошел на всех парах. Тебя тепло встречали:
«Подкрасим колоски – и высохнут к утру...»
Уютное депо увито кумачами:
«Живее всех живых...»,
«Даешь ударный труд...»

...Не стало в октябре багряного наряда.
Упал последний стяг. Отвинчены гербы.
Ржавеет паровоз, собака воет рядом.
И нет уже труда, и жизни, и борьбы...

...Скелеты корпусов. Торчат наружу ребра –
Опорные столбы не устают стареть.
Ушедшим временам вослед глядят недобро
Вожди бродячих стай – вельможы пустырей.

А глобус на гербе – как шар из пыльной лузы –
Достанут, подновят, когда наступит год,
На тлеющих костях Советского Союза
Зажечь и обмануть доверчивый народ.

Разрастается город – смыкает бетонную цепь.
Заковав небеса, стал безлик и высок он.
Потерялась душа, и на новом стеклянном лице
Гипнотично мерцают созвездия окон.

Этажи. Гаражи. Магазинов ночных стеллажи –
Леденцовая ширма трущобного рая.
Охраняют твоих миражей рубежи
Облака воронья. А орлы умирают.

Вязкий призрачный город, ты как паразит –
Подсадил на крючок и, баюкая, шепчешь:
«Не больно...»
Омертвевшею плотью в твоих небоскребах
сквозит.

Умирают орлы. Воронье раскричалось довольно.

Под слоями бетона томятся родные луга.
Солитерным токсином отравлены воды.
Раздаются все шире подземной реки берега.
Размывает страну. Разъедает породу.

Вольный ветер, нужны тебе эти чертоги до звезд?
Ты же веешь над всем окоемом без малого
вечность...
Ты сметешь все на свете, и сгинет
из каменных гнезд
Воронья ненасытная нечисть!

Вспомни, Русь, ты святыми корнями в земле
И зеленым побегом кольшишь звезду на востоке.
Ты сама себе Солнце, и в волнах пшеничных полей
Твоя жизнь и твои золотые истоки.

Велика ты, Россия! Терпением благ твой народ.
Широтою души он подобен степному простору.

*Он снискал себе веру, молясь у небесных ворот.
Так зачем на земле ему призрачный город?!*

*Позвонила любимая — стало теплей на душе,
Кофейку привезет — на последние, может
быть, деньги.*

*Покоряются из года в год одному и тому же клише
Боевые листки моего скоростного паденья.*

*Мне опять станет стыдно за мелкий
пижамный горох,*

*За ослабленный ум и похмельную
немощность тела.*

*На моем перепутье все меньше и меньше дорог,
По которым бы ты прогуляться со мной захотела.*

*Я опять повернул не туда и никак не пойму,
Почему с каждым шагом моим по дороге к Голгофе*

*Ты все чаще приходишь ко мне, словно ангел,
сшедший во тьму,*

И все большей любовью наполнена баночка кофе.

ПРЯХИ

*— Прялка-самопрялочка, скажи,
Долго колесу еще кружить?*

Как в трудах нам превозмочь усталость?

Сколько нам сучить еще осталось,

Слушать пересвист веретена

В синеоком океане льна?

Словно не живем, а из кудели

Тянем прядь. И сердцем оскудели.

И совсем осунулись лицом —

В неизвестность крутим колесо.

— Скоро вы отправитесь с причала, —

Самопрялка, скрипнув, отвечала, —

В синеоком океане льна

Под напевный свист веретена

Через горизонт с седьмого неба

Ясные лучи забросят невод —

Пробежит дорожка из белил,

*И по ней помчатся корабли,
Воспаряя в вечные просторы,
Замыкая круг земных историй.
На катушке оборвется нить,
Колесо откажется кружить.
И тогда попутный свежий ветер
Заберет вас из прядильной клети.*

*— Прялка-самопрялочка, скажи,
Долго нам потом сидеть в тиши?
Сколько нам из корабельных трюмов
За полями наблюдать угрюмо
И не слышать свист веретена
В синеоком океане льна?*

*Самопрялка тихо отвечала:
— Через год начнется все сначала,*

*Подойдет коловращения срок —
Свяжется на нитке узелок.*

*Где-то рядом из земного тлена
Прорастут грядущих поколений*

Всходы — для иных осенних жатв.

Эти всходы пряжи сторожат,

Те, которых из прядильной клети

Уносил на небо прежний ветер.

— Прялка-самопрялочка, прости.

С кораблями нам не по пути.

Не устали — просто показалось.

В теле много сил еще осталось...

Как приятна песнь веретена

В синеоком океане льна! ■